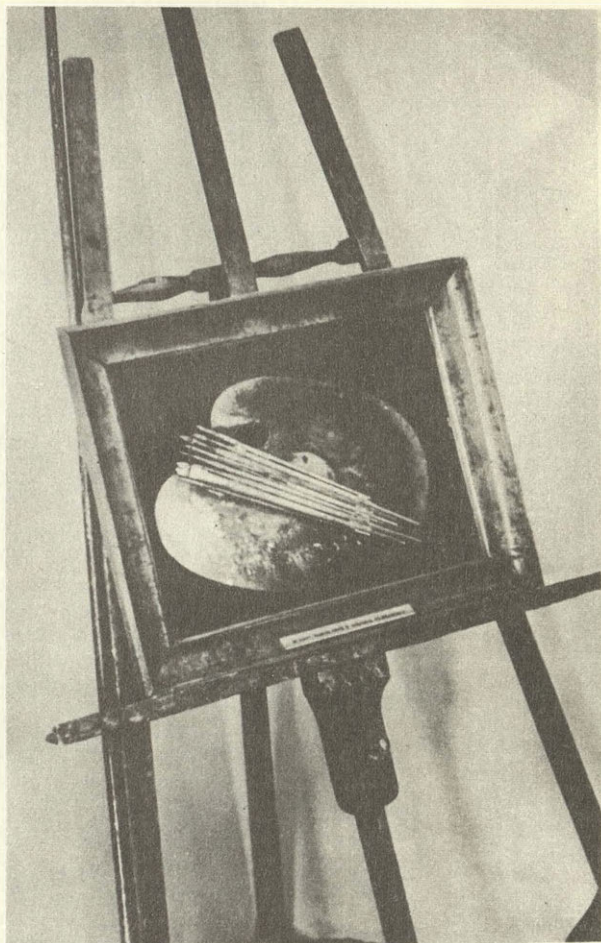

Поэзия и стихия моря
выразительно запечатлены
в полотнах Айвазовского.
И мне, как человеку,
видевшему разное море,
и мирное, и военное,
о многом говорят эти
картины.

Всякое настоящее
искусство обогащает ум
и сердце человека.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из книги отзывов посетителей Феодосийской
галереи. 8 августа 1980 года.

В. Суходольский,
журналист

Здесь отгремели военные грозы

Набережная в Феодосии. Старинный дом
у моря. Вот оно, море, совсем рядом: то
мягкое и лазурное до самого горизонта,
то серо-стальное, стремительно набегаю-
щее, словно хочется ему преодолеть эти
несколько десятков метров и ударить вол-
ной в стену дома — где ты, хозяин?

Замерла старая палитра. Кисти лежат.
Засохли краски. Рядом — картина, почти
готовая, «Взрыв корабля». Над ней Иван
Константинович Айвазовский работал
в последний день своей жизни.

В других залах большого дома — дру-
гие картины. Художник оставил людям
то, чему удивлялся всю свою жизнь —
вечно живое, каждую минуту разное,
неповторимое море.

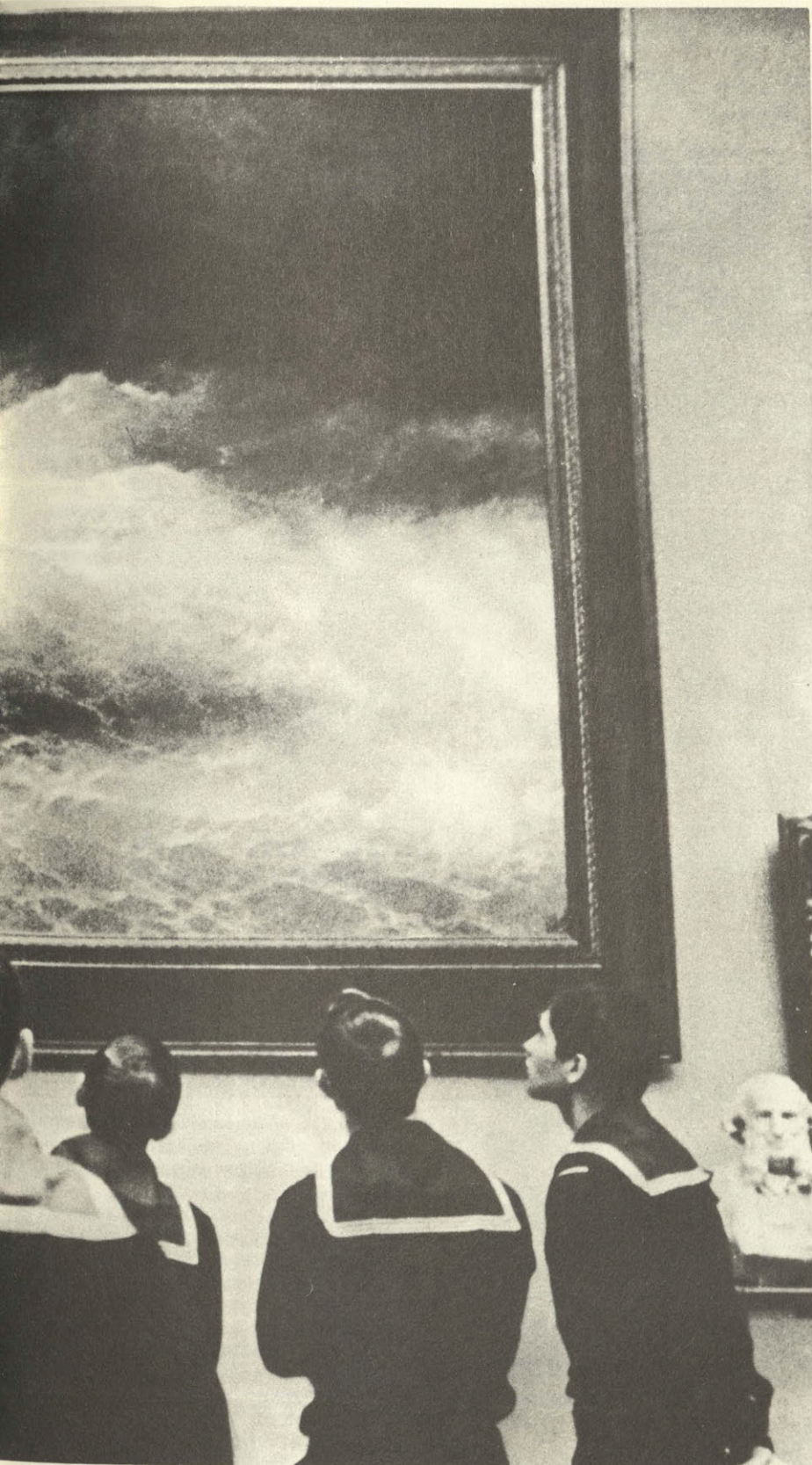
Юность художника... Блестящий
успех в Италии, бурное признание в Пе-
тербурге. Но именно тогда он раз и на-
всегда принимает решение — прожить
свою жизнь в Феодосии. Здесь он родил-
ся, здесь и умер. И создал лучшее из
того, что создал. И это лучшее завещал
родному городу, его жителям, которых
любил всем сердцем, рядом с которыми
прошла жизнь.

Сейчас этот дом знают не только у нас.
Второго такого музея морской живописи
нет в мире. Народ стоит каждый день
перед дверью дома, и каждый год по его
залам проходят тысячи человек.

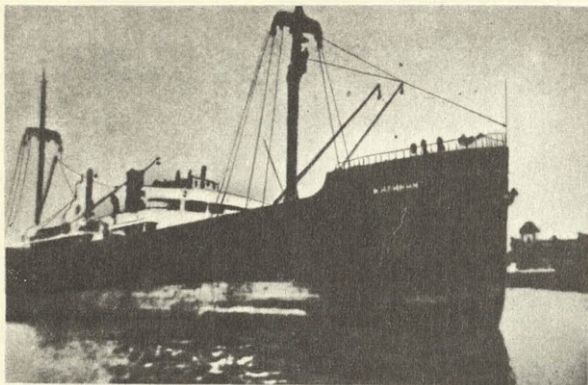
...Много событий пронеслось над горо-
дом. В 1878 году турецкие корабли обстре-
ляли феодосийский берег — тяжелый
снаряд пробил стену дома и разорвался
в квартире художника. Когда началась
первая мировая война, внук Айвазовского
вывез картины в Симферополь, боясь но-

Мольберт
И. К. Айвазов-
ского.

Перед картиной
И. К. Айвазов-
ского «Среди
волн».

Судно «Калинин», на котором были вывезены полотна Феодосийской галереи.

вого обстрела с моря. И действительно, германский крейсер «Бреслау» подходил к этим берегам и бил из своих орудий по беззащитному городу.

В Великую Отечественную здесь долгое время хозяйничали фашисты. Горели камни и море, рушились самые прочные здания, гибли люди. Как же уцелели эти холсты — куски ткани, превращенные трудом и талантом мастера в замечательные создания человеческого духа? Безмолвно висят они на стенах, непод-

Вид галереи после освобождения Феодосии советскими войсками.

властные времена, пройдя невредимыми через все испытания. Нет, могли, могли и сгореть и погибнуть, — сколько примеров знает история, когда исчезали безвозвратно удивительнейшие творения рук и ума человека! А не погибли они в огне, не утонули, не взлетели на воздух, выжили в страшном смерче войны благодаря великому мужеству и самоотверженности многих и многих людей, порой совсем неизвестных.

* * *

...В ночь на 29 сентября 1944 года фашисты прорвались на Арабатскую стрелку. В 30 километрах от Феодосии их остановила морская пехота. Николая Степановича Барсамова, директора галереи, вызвали ночью в горсовет: фашисты у Арабата, все ли готово к отправке? Кто поедет с картинами?

Все ли готово? Вот они, бережно накаланные на валики, упакованные в ящики руками сотрульников, учеников изостудии, военных моряков, картины, готовые к путешествию.

Кто поедет? А кому же, кроме него да жены, Софьи Александровны? Вся их жизнь в этих картинах.

Уже стемнело, когда картины привезли в порт, к борту «Калинина» — последнего транспортного судна, уходящего из города. Оборудование сахарных заводов уже погрузили и по трапу непрерывной чередой двигались раненые — эвакуировался госпиталь.

Погрузка уже заканчивалась, когда вахтенный матрос, не разобравшись до конца, доложил капитану «Калинина» Ивану Федоровичу Иванову, что его хочет видеть «какой-то Айвазовский».

Стоя на мостике, бледный, взволнованный человек — это был директор галереи Барсамов — говорил капитану о картинах Айвазовского, сгруженных на причале, а с берега доносился голос военного коменданта, кричавшего в рупор: «Немедленно сниматься!» — в любую минуту могли появиться вражеские самолеты и потопить корабль прямо здесь, у пирса. Капитан принял решение на свой страх и риск — «Грузить!»...

Спустя многие годы Иван Федорович вспомнит о той минуте с гордостью: «Как же отдать Айвазовского фашистам? Нашего морского художника? Знаете ли, в техникуме, где я учился, в коридорах висели репродукции Айвазовского. И вот встали они тогда передо мной в ту минуту, и я решился...»

По узкому трапу шли и шли люди. Внести картины на руках не было никакой возможности. Спасти дело мог только кран. Военская часть в это время заканчивала погрузку, и моряки согла-

сались помочь. На палубе укладывали последние ящики, когда над портом появились фашистские самолеты. Осветив ракетами причалы, они сбросили несколько бомб.

«Отдать швартовы!» — приказал капитан. Комендоры, не спуская глаз с самолетов, вели по ним прицельный огонь. Теплоход уверенно набирал скорость, взяв курс на Новороссийск. Гитлеровцы улетели, и ночь прошла спокойно.

В Новороссийске, прощаясь с капитаном «Калинина», Барсамов пригласил его в гости:

— Когда победим, обязательно приезжайте в Феодосию, к Айвазовскому!

Они встретятся после войны и вспомнят ту ночь, и директор сам проведет дорогого гостя по залам картинной галереи и торжественно скажет ему:

— Иван Федорович, вы лично причастны ко всему, что увидели здесь,—

Барсамовы, устроившиеся на палубе, долго не могли сомкнуть глаз. Позади остался город их юности, где все силы они отдавали любимому делу. Они уже знали, что Володя, их единственный сын, погиб на фронте. Их надежда и гордость, способный художник, студент московского института, он пал смертью храбрых в первые дни войны на южной границе. Фашисты отняли у них сына, дом, родной город. Но Айвазовского Барсамовы врагам не оставили — вот они, ящики, нет им цены... Не только Айвазовский, но и картины Латри, Волошина, Богаевского, передвижная выставка из Симферопольской картинной галереи. Только бы добраться до Новороссийска...

Усталость взяла свое, и они забылись, но в предрассветный час их разбудил сигнал боевой тревоги. Над судном низко шли гитлеровские бомбардировщики. Пушечный и пулеметный огонь комендоров снова помешал фашистам: бомбы упали в море.

и обедеет руками, словно обнимая этот большой дом с его бесценными сокровищами.

Они сядут на скамью в центральной зале, напротив многометрового полотна «От штиля к урагану», и Барсамов расскажет капитану все по порядку...

Новороссийский порт был забит грузами из Одессы, Херсона, Николаева. Достать в этой обстановке вагон для картин галереи казалось делом почти невозможным. День прошел безрезультатно. Но вечером вдруг повезло: в сумерках на путях встретился человек, который, узнав о картинах Айвазовского, взялся помочь и, что самое главное, помог! Это был работник управления Северо-Кавказской железной дороги Анатолий Александрович Александров. Он приказал первый прибывший вагон подать под погрузку картин и, несмотря на возражения, настоял на своем. Солдаты эшелона помогли погрузиться, и поезд тронулся. На другой день они прибыли в Краснодар, куда и

Так галерея выглядит теперь.

предписано было эвакуировать галерею.

Художественный музей Краснодара развернул небольшую выставку картин Айвазовского. Сумели даже отпечатать афиши и расклеили их по городу. Основными посетителями выставки были люди в военной форме. Одна из афиш того времени как дорогая реликвия бережно сохраняется сейчас в галерее.

В середине октября фашисты стали бомбить Краснодар. Было решено переправить картины в Армению, в Ереван.

Опять встал вопрос о вагоне. После безуспешного разговора с начальником станции Софья Александровна попросила его взять домой на вечер только что вышедшую в 1941 году монографию об Айвазовском с хорошими репродукциями его картин. Наутро начальник станции дал им вагон до Еревана.

— Ваша взяла, — сказал он. — Такие картины мы должны сохранить, хотя бы для наших детей. А книгу я не принес — дочка плачет, не отдает, она больна, вы уж простите...

От Краснодара до Еревана ехали две недели. Видели за окном разбитые дома, черные скелеты вагонов, сброшенных под откос, — следы налетов вражеской авиации. В любую минуту с их грузом и с ними могло случиться непоправимое.

Гостей встретили в Ереване радушно. Создали все условия для работы, и вскоре в столице Армении открылась большая выставка картин Айвазовского.

А из Крыма шли печальные вести: богатейшая коллекция Симферопольской картинной галереи, вывезенная в Керчь, сгорела дотла во время бомбардировки порта. Фашисты разграбили музеи в Алушке и Ялте, Евпатории и Бахчисарае, Симферополе, Херсоне, Керчи. Огромные ценности погибли безвозвратно.

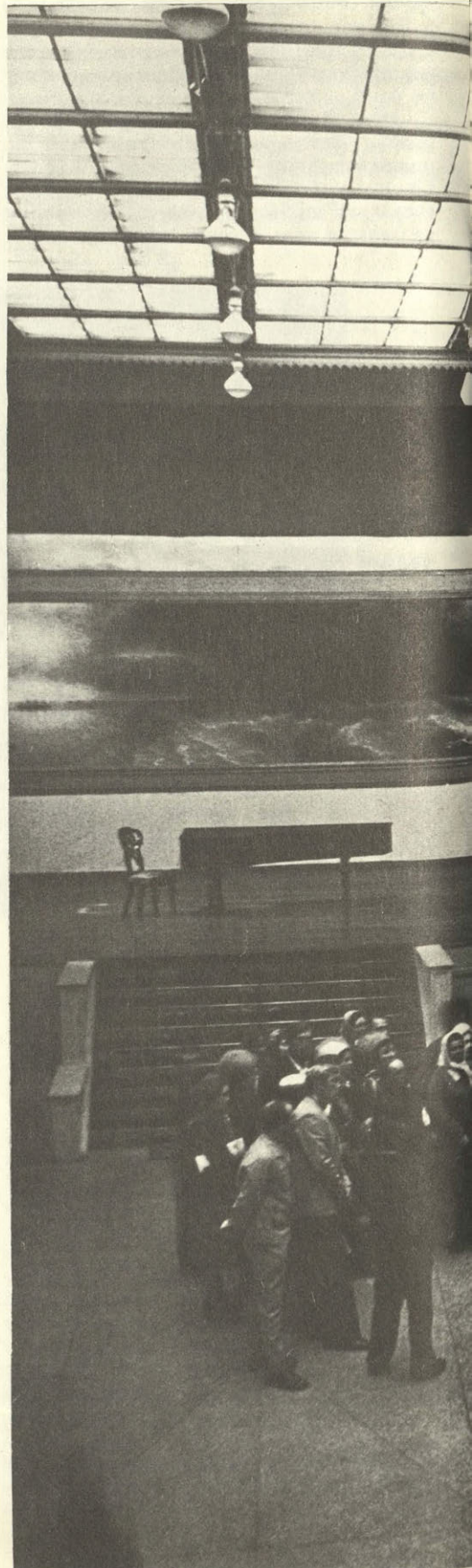
13 апреля 1944 года наши войска освободили Феодосию. Барсамовы стали собираться домой.

Они вернулись в родной город и не узнали его. Берег моря, покрытый развалинами, — вот что представляла тогда Феодосия, город двадцати пяти веков, соперничающий по древности с Римом да с городами Эллады...

Но дом Айвазовского уцелел. Показалось только, что стал он ниже, словно бы врос в землю, весь избитый снарядами, в окружении фашистских дотов и бетонных площадок для артиллерийских орудий.

Директор галереи вернулся, как и подобает хозяину, со своими ключами — от ворот, от залов галереи. Несколько лет он ждал этого момента. Вот только не пришлось воспользоваться ключами — все выломано, покорежено, разбито...

Нужно было срочно разгружать вагон. Софья Александровна по старой памяти

В центральном зале галереи.

отправилась за помощью к военным морякам. Через пятнадцать минут она вернулась на автомашине вместе с матросами. Руководил разгрузкой командир роты старший лейтенант Григорий Крахмалев.

Закончив работу, матросы ушли. Стемнело. Они присели на ящики — Николай Степанович и Софья Александровна. Он взял ее руку в свою, тихо сказал: «Приехали».

Море бушевало. Волны срывали с якорей фашистские мины и гнали их на прибрежные камни. Мины взрывались, и тогда вздрагивало все здание. Неослабно свистел в пустых оконных проемах ветер...

Оставалось удивляться и радоваться, что здание галереи чудом уцелело, выстояло. Вот они, эти стены, и там, в ящиках, составленных пока в мастерской художника, где меньше всего протекает крыша, лежат картины «Среди волн», «Буря на Северном море», «Чесменский бой», «Малахов курган», «Неаполитанский залив утром», «Остров Крит» — живые и невредимые!

13 декабря 1944 года газета «Правда» напечатала короткое сообщение: «Феодосия, 12 (ТАСС). Единственное по полноте собрание картин великого русского мариниста Айвазовского возвращено на родину художника в Феодосию. В начале войны картины были вывезены в Краснодар, затем в Ереван. После капитальных восстановительных работ в Феодосийской галерее, разрушенной немецкими оккупантами, картины будут вновь выставлены для широкого обозрения».

Это придавало сил. Не было рабочих и стройматериалов, все приходилось добывать с боем, с великим трудом, но все добыли и сделали, и 2 мая 1945 года, в день взятия нашими войсками Берлина, открыли галерею! Выставка картин Айвазовского стала настоящим праздником для Феодосии. Даже каталог выпустили!

Это было победой, завершением еще одного сражения с врагом, которое мы выиграли. И та великая наша Победа стала возможной только потому, что каждый человек на своем месте вел свой, личный бой с фашизмом и побеждал в этом бою...

Одно только не давало покоя директору галереи. При эвакуации пропал ящик с мраморным бюстом Айвазовского работы Л. Бернштама. Обнаружили это уже в Краснодаре. Где, как это случилось? И вот в январе 1946 года в галерею пришло письмо из авиационной части, от майора Черныша. Оказывается, при погрузке в 1941 году на теплоход «Калинин» ящик с бюстом Айвазовского случайно попал к авиаторам.

К Чернышу тут же выехал сотрудник галереи и привез бюст, совершивший с имуществом воинской части долгий путь

по фронтовым дорогам. И всю войну бережно его сохранял майор Черныш.

Барсамовых часто спрашивали: кто же спас картинную галерею? Они называли многих людей, встретившихся им на пути, известных по фамилиям и, к сожалению, неизвестных, тепло вспоминали своих коллег из Краснодара и Армении. А главное, всегда подчеркивали Барсамовы, им удивительно везло на людей, которые понимали, как это важно: сохранить картины Айвазовского для будущих поколений.

Нет уже на свете Барсамовых. Все меньше остается в живых участников спасения сокровищ дома Айвазовского.

Но капитан Иванов, несмотря на возраст, по-прежнему капитан! С морем не расстается, живет в Одессе и дел у капитана, как всегда, хватает.

В Новороссийске по-прежнему трудится Анатолий Александрович Александров. В письме своем он пишет: «Спасение картин Айвазовского — результат великого уважения народом своей культуры. Это и побуждало людей делать все возможное и невозможное для спасения галереи на всем ее трудном пути от Феодосии до Еревана».

В зале галереи, где собраны полотна русских и советских маринистов, висит картина Николая Шорина «Туманный день над Кара-Дагом». Автор ее — один из тех студийцев, которые помогали Барсамовым в сорок первом.

С Николаем Акимовичем Шориным мы встретились в детской художественной школе города, где он работает уже многие годы. Шорин рассказал, как с утра до вечера в те тревожные дни они вместе со взрослыми складывали ящики, готовили валики, бережно снимали холсты, прятали рамы в тайник под лестницей. Как аккуратно укладывали на машину картины и везли к причалу.

Он рассказал, как туда, в порт, пришел старый художник Константин Федорович Богаевский, пришел попрощаться с полотнами Айвазовского, которого хорошо знал. Может быть, он чувствовал, что не доживет до их возвращения...

У входа в порт студиицы простились с Барсамовыми. Где-то ухали пушки, зарево пожаров освещало ночное небо. Фашисты тогда были совсем рядом...

* * *

...Вы приедете в Феодосию. Скорее всего — морским теплоходом из Ялты, Евпатории, Севастополя. От причала по набережной Десантников придете сюда, к галерее. Вспомните тогда мужественных и самоотверженных людей, которые спасли для нас и для всех, кто будет жить после нас, это чудо — картины Ивана Константиновича Айвазовского.